

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 77—85.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2023. Iss. 1. P. 77—85.

Научная статья

УДК 94(47).083

DOI: 10.46726/И.2023.1.8

БОРЬБА С ВОЗДУШНОЙ РАЗВЕДКОЙ ПРОТИВНИКА НА ЗАПАДЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1912—1915 гг.)

Вадим Олегович Зверев, Андрей Евгеньевич Цепилов

Омская академия МВД России,

г. Омск, Россия, zverevoma@mail.ru, patron_andrey@bk.ru

Аннотация. Несмотря на интенсивное развитие воздухоплавания в крупных европейских державах во второй половине XIX века и использование воздушных шаров в целях разведки на полях сражений Франко-прусской войны 1870—1871 гг., Военное министерство Российской империи не приняло во внимание соответствующий боевой опыт. В последующем не претерпело немедленных изменений и Уголовное уложение 1903 г. (Раздел IV. «Государственная измена»), хотя несанкционированное проникновение иностранных воздушных шаров в западноевропейское пограничье России уже требовало уголовно-правового реагирования со стороны ее жандармских властей и органов правосудия. Принятый же 5 июля 1912 г. закон о шпионаже, при всей исторической важности его положений, так и не стал надежным барьером на пути германских и австрийских аэронавтов, осуществлявших сбор актуальных и разнородных военнзначимых сведений в России и, в частности, пограничных губерниях Варшавского военного округа. С началом военных действий на Восточном фронте «довоенную» законодательную базу борьбы с воздушной разведкой противника не усовершенствовали, а на смену юридическим нормам пришли «законы военного времени». Характеризуется нормативная правовая основа и меры контрвоздухоплавательного пресечения действий иностранной воздушной разведки на территории Привислинского края. Делается вывод о том, что предпринятые усилия, призванные воспрепятствовать воздушным нарушителям (воздушным шпионам) западной государственной границы Российской империи, а вскоре — линии соприкосновения враждующих сторон, отличались запоздалостью и несоразмерностью ожидаемого от них эффекта.

Ключевые слова: аэронавты, Варшавское генерал-губернаторство, воздушные шары, жандармы, закон о шпионаже, контрразведка, пограничники, полиция, разведка

Для цитирования: Зверев В.О., Цепилов А.Е. Борьба с воздушной разведкой противника на западе Российской империи (1912—1915 гг.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 77—85.

© Зверев В.О., Цепилов А.Е., 2023

Original article

FIGHTING ENEMY INTELLIGENCE IN THE WEST OF THE RUSSIAN EMPIRE (1912—1915)

Vadim O. Zverev, Andrey E. Tsepilov

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Omsk, Russian Federation, zverevoma@mail.ru, patron_andrey@bk.ru

Abstract. Despite the intensive development of aeronautics in the major European powers in the second half of the 19th century and the use of balloons for reconnaissance on the battlefields of the Franco-Prussian War of 1870—1871, the Military Ministry of the Russian Empire did not take into account the relevant combat experience. Subsequently, the Criminal Code of 1903 did not undergo immediate changes either (Section IV. “Treason”), although the unauthorized entry of foreign balloons into the Western European borderlands of Russia already required a criminal-legal response from the gendarmes and justice authorities. The law on espionage, adopted on July 5, 1912, for all the historical importance of its provisions, did not become a reliable barrier in the way of German and Austrian aeronauts who collected relevant and diverse military information in Russia and, in particular, the border provinces of the Warsaw Military District. With the outbreak of hostilities on the Eastern Front, the “pre-war” legislative framework for combating enemy aerial reconnaissance was not improved, and “wartime laws” replaced the legal norms. The normative legal basis and measures of counter-aeronautical suppression of the actions of foreign aerial reconnaissance in the territory of the Privislinsky region are characterized. It is concluded that the efforts made to prevent air intruders (air spies) of the western state border of the Russian Empire, and soon — the line of contact of the warring parties, were distinguished by belatedness and disproportionate effect expected from them.

Keywords: aeronauts, Warsaw General Government, balloons, gendarmes, espionage law, counterintelligence, border guards, police, intelligence

For citation: Zverev V.O., Tsepilov A.E. Fighting enemy intelligence in the West of the Russian Empire (1912—1915), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 1, pp. 77—85.

В отечественной историографии проблема организации борьбы с иностранной воздушной разведкой в России до и в ходе Первой мировой войны, несмотря на свою актуальность и важность для исторической памяти, не оказалась в центре научного интереса. Исследователи так и не прикоснулись к многочисленным архивным документам, в том числе не введенным в научный оборот, свидетельствующим о мерах, предпринимавшихся пограничниками, уездными начальниками, органами жандармской полиции, военной разведкой и контрразведкой в отношении воздушных нарушителей (воздушные шпионы) государственных рубежей России. Раньше или позже, но историкам все же предстоит раскрыть особенности реализации контрвоздухоплавательных мероприятий, а также трудности, возникавшие на этом пути и конечные результаты. Также в перспективе будет дана оценка значению всех предпринятых усилий в контексте укрепления системы противодействия внешним угрозам безопасности предвоенного и воюющего российского государства.

В данной статье с привлечением уникальных сведений из единиц хранения Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного исторического архива предпринята попытка реконструировать отдельные исторические фрагменты в части, касающейся незаконных, а с началом

войны — враждебных действий со стороны Германии и Австро-Венгрии. Посредством их воздушно-разведывательного вторжения, носившего множественный, а порой и неочевидный характер, российской обороне в Привислинском крае и других соседних пограничных губерниях наносился существенный урон. Какие ответные меры предпринимались полицейскими и жандармскими властями, органами безопасности в Варшавском генерал-губернаторстве?

Предваряя ответ на этот вопрос, обратим внимание на то, что получивший 5 июля 1912 г. юридическую силу закон о шпионаже, не смог вселить в умы потенциальных преступников ни уважения к его отдельным нормам, ни чувство страха перед ними. Речь идет о статье 113¹, каравшей нарушителей воздушного пространства Российской империи — воздушных разведчиков — тюремным наказанием [Закон 5 июля...: 23]. Объяснение правовому нигилизму было простым. Во-первых, иностранные аэронавты, незаконно пересекавшие пределы России, поднимали свои летательные аппараты на недостижимую для прицельной по ним стрельбы высоту. Поэтому все попытки пограничников принудительно приземлить «незванных гостей» оставались безуспешными. Во-вторых, уверенность воздушных разведчиков в своей безопасности и безнаказанности укреплялась еще и тем, что в отличие от пограничных стражников солдаты и офицеры русской армии не имели законного основания открывать по ним огонь на поражение (в довоенное время). Данная коллизия, наличествовавшая в российском уголовном законодательстве, позволяла германским и австрийским воздухоплателям безбоязненно парить над русскими крепостями и другими военными или гражданскими стратегическими объектами (к примеру, железнодорожные мосты, водные переправы), фотографируя их. В-третьих, ни в самой статье 113¹, ни в подзаконных актах законодатель не конкретизировал такое понятие как «запретный пограничный район» — территория, где находились передовые позиции русских войск, фортификационные сооружения, склады вооружений и др., непромерное проникновение в который воздухоплателям категорически запрещалось. В связи с чем пребывание иностранных летчиков в западнопограничных районах России влекло труднодоказуемые юридические последствия, а факт уголовнонаказуемого пересечения воздушных пределов русского государства всегда можно было оправдать вмешательством обстоятельств непреодолимой силы (природные явления, механические поломки и пр.).

Таким образом, «мертворожденная» статья 113¹ закона о шпионаже и не сложившаяся перед Первой мировой войной судебная практика привлечения к уголовной ответственности нарушителей воздушных границ России создали благоприятные предпосылки и условия для регулярных разведывательных полетов из Германии и Австро-Венгрии. Однако этот факт отнюдь не свидетельствовал о полном отсутствии нормативно-правового сопровождения сферы воздушного контрреагирования и бездействии со стороны самодержавия и, прежде всего, охранительных и военных ведомств в решении вопроса организации борьбы с воздушной разведкой потенциальных, а с 19 июля 1914 г. — реальных противников русской государственности.

В процессе проведенной нами архивно-поисковой работы выяснилось, что 16 ноября 1912 г. Совет министров России принял постановление о запрещении иностранным воздухоплателям несанкционированных перелетов российской западной границы и разрешении стрельбы по нарушителям этого запрета [РГИА: ф. 1276, оп. 8 (1912 г.), д. 432, л. 17]. В конце 1913 — начале 1914 г. о продлении сроков действия этих ограничений были оповещены

штаб Варшавского военного округа [ГАРФ: ф. 215, оп. 1, д. 123, л. 1], а также губернаторы Привислинского края и варшавский обер-полицмейстер [ГАРФ: ф. 215, оп. 1, д. 123, л. 3].

Получив юридические основания, общая и жандармская полиция вместе с органами разведки / контрразведки принимали все зависящие от них меры по борьбе с воздушным шпионажем. Первое квалифицированное пресечение противоправного воздушного проникновения на территорию Варшавского генерал-губернаторства, по нашим данным, состоялось 15 мая 1912 г. В этот день, согласно письму люблинского губернатора, близ с. Лопенник-Ляцкий гмины Лопенник Красноставского уезда Люблинской губернии чинами земской стражи были задержаны германские воздухоплаватели И.Ф. Пешель, О.М.Г. Рере и Г.Э. Гассингер, «спустившиеся на воздушном шаре (его название «Эльба». — В.З., А.Е.)» [ГАРФ: ф. 215, оп. 1, д. 114, л. 57]. На следующий день красноставский уездный начальник сообщил о произошедшем инциденте в штаб Варшавского военного округа по телеграфу и выслал в его адрес все документы (паспорта, планы, заметки о полете) и фотографический аппарат, изъятые у аэронавтов [ГАРФ: ф. 215, оп. 1, д. 114, л. 56]. А спустя еще день — 17 мая — по телеграфному распоряжению из названного штаба удерживаемые воздухоплаватели были освобождены.

Переписка по факту задержания «Эльбы», возбужденная нотой протеста германского посла в МИД Российской империи от 25 июня 1912 г. № 2522, выявила случай неточного информирования на высшем уровне межведомственного взаимодействия. Так, из письма Министерства иностранных дел (за подписью товарища министра) на имя варшавского генерал-губернатора от 27 марта 1913 г. № 4205 следует, что воздушный шар «Эльба» был задержан якобы чинами русской пограничной стражи, а само задержание произошло близ местечка Болеславец Калишской губернии [ГАРФ: ф. 215, оп. 1, д. 114, л. 54]. Но, это не единственное противоречие. Далее со ссылкой на сведения шефа Отдельного корпуса пограничной стражи статс-секретаря В.А. Коковцова и вовсе говорится о том, что указанный летательный аппарат пролетел Калишскую и Петроковскую губернии. А почему в письме нет упоминания о дальнейшем движении шара на Люблин через Радомскую или Келецкую губернии? Тем более, что географически миновать эти территории было попросту невозможно. Наконец, о том, что немецкий экипаж был задержан в г. Красностав (Люблинская губерния), в МИД узнали не от первоисточника (органа, производившего задержание), а от вышеупомянутого германского дипломата.

В отличие от обнаруженного нами единственного, но яркого примера «неразберихи», имевшейся на министерском уровне, сотрудничество на местах возымело своевременный, обстоятельный, а порой и устный, минуя длительную переписку, характер. К примеру, еще 17 декабря 1912 г. ефрейтор поста Кобелице Брониславского отряда пограничной стражи К. Сидельников сообщил старшему земскому стражнику Страшевского участка Нешавского уезда, что через деревни Шостка, Бронислав, Смарглин, Воля-Бажа, фольварк Гославице и деревню Каменец пролетел воздушный шар по направлению к г. Влоцлавск [ГАРФ: ф. 215, оп. 1, д. 114, л. 54]. Здесь следует добавить, что о каждом случае противоправных действий пограничные начальники ставили в известность территориальные жандармские управления, а также уведомляли Департамент полиции МВД и с 1911 г. — военно-окружную контрразведку.

19 декабря 1912 г. в Седлецкой губернии (Бельский уезд) силами полиции был задержан спустившийся на землю немецкий воздушный шар «Гевальд» (по словам воздухоплавателей его «занесло ветром в Россию»). Временному заключению под стражу были подвергнуты находившиеся в нем трое аэронавтов, а изъятые у них документы препровождены в штаб Варшавского военного округа для проверки [ГАРФ: ф. 215, оп. 1, д. 114, л. 47]. По ее итогам в тот же день военные разрешили начальнику Бельского уезда отпустить немецких подданных, а также вернуть им воздушный шар, изъятые документы и предметы [ГАРФ: ф. 215, оп. 1, д. 114, л. 49].

11 марта 1914 г., но уже на севере Варшавского генерал-губернаторства, в пограничной с Германией Сувалкской губернии (Мариампольский уезд), чинами земской стражи был задержан прусский подданный И.К.К. Крефт. Его подозревали в причастности к группе лиц, находившихся на воздушном шаре, который 27 февраля того же года спустился в Сейнском уезде [ГАРФ: ф. 265, оп. 1, д. 1485, л. 4].

13 мая начальник земской стражи Рыпинского уезда капитан Зражевский в районе деревни Щутово задержал одетого в форму офицера германской армии неизвестного человека. Он представился капитаном воздухоплавательного отряда крепости Грауденец. Со слов задержанного, он и еще один немецкий офицер совершали полет из названной крепости в г. Страсбург, однако «попали в бурное воздушное течение и вследствие налетевших грозовых туч, потеряли ориентировку <...> и опустились по ошибке на русской территории...» [ГАРФ: ф. 265, оп. 1, д. 1485, л. 13]. После обыска у немецких офицеров Зражевский изъял документы, планы, карты Восточной Пруссии и Привислинского края, фотографический аппарат и др., доставив обоих в уездное управление (г. Рыпинск) [ГАРФ: ф. 265, оп. 1, д. 1485, л. 13, 14].

15 мая 1914 г. задержанные — капитан В. Шмегер и обер-лейтенант Э. Пауль — были допрошены приехавшими представителями штаба Варшавского военного округа: начальником разведки (полковник Н.С. Батюшин), начальником контрразведки (ротмистр С.В. Муев) и авиаконструктором (штабс-офицер И.И. Сикорский). Ими же был осуществлен осмотр немецкого аэроплана, оставленного на месте его приземления [ГАРФ: ф. 265, оп. 1, д. 1485, л. 15]. После чего на следующий день начальник штаба Варшавского военного округа передал по телеграфу распоряжение об освобождении В. Шмегера и Э. Пауля, а 17-го числа они выехали в Пруссию.

Особо отметим, что в допросе подозреваемых в шпионаже и осмотре их воздушного судна, а также вынесении по сути «оправдательного вердикта», принимал участие беспримечный симбиоз — «легендарные охотники за шпионами» и видный инженер, военный изобретатель, родоначальник русской многомоторной авиации (аэропланы «Русский витязь» и «Илья Муромец»). Привлечение к экспертной работе специалистов столь высокого уровня указывало не только на объективность их выводов, но и на наличие серьезных намерений и подходов Военного министерства в организации контрвоздухоплавательного (контрразведывательного) заслона на пути потенциальных нарушителей воздушного пространства западного пограничья России.

Полагаем, что контрразведывательная по своей сути экспертиза, по аналогии с вышеупомянутым «делом Шмегера-Пауля», проводилась не всегда лишь на завершающей стадии разбирательства. Вероятнее всего, были и превентивные контрразведывательные мероприятия, в том числе агентурного характера, и на территории других стран. В обратном случае как объяснить

тот факт, что и.д. генерал-квартирмейстера штаба Варшавского военного округа полковник Н.С. Батюшин обращался не с заблаговременной просьбой к варшавскому генерал-губернатору об оказании содействия готовящемуся спортивному перелету из Швеции в Привислинский край, а в день, когда три воздушных шара уже вылетели по данному маршруту (телеграмма от 15 июня 1914 г. № 1382) [ГАФР: ф. 215, оп. 1, д. 123, л. 42].

Если же контрразведывательные усилия разведывательного отделения штаба Варшавского военного округа не могли принести успеха, как это было в последние недели перед началом Первой мировой войны в Германии (в связи с усилением в ней контрразведывательного режима), то в рамках поддержания контрвоздухоплавательного заслона на русско-германской границе предпринимались дополнительные меры реагирования. Так, судя по секретной переписке окружной разведки с канцелярией варшавского генерал-губернатора от 20 июня 1914 г., участникам организуемых Мюнхенским воздухоплавательным союзом воздушных соревнований «разрешен, в случае заноса воздушными течениями, перелет русской границы». Но такие аэронавты обязывались немедленно приземляться, прибывать к местным властям и предъявлять им все имущество для осмотра. Фотографировать и делать записи во время полета над русской территорией запрещалось [ГАФР: ф. 215, оп. 1, д. 123, л. 25].

С началом военных действий на Восточном фронте Первой мировой войны экстраординарные меры по борьбе с воздушной разведкой противника приняты не были. Скорее, усилия, и прежде всего, жандармской полиции в приграничных губерниях можно назвать дополнительными и не выходящими за рамки их «будничных» служебных обязанностей. К таковым, например, можно отнести учреждение негласного наблюдения за появлением воздушных шаров на «шпионоопасных направлениях» (как правило, это пограничные уезды). Так, унтер-офицер Белгородского жандармского уезда — граничившая с Австро-Венгрией территория — доносил, что учителя корховского двухклассного начального училища О.Н. Броницкий и О.Л. Патиевич 1-го и 7-го января 1915 г. наблюдали над дер. Княжполь летательные аппараты, «с которых были видны световые лучи белого огня» [ГАФР: ф. 1694, оп. 1, д. 48, л. 6].

Однако интенсивность воздушно-разведывательных визитов с австрийской стороны не позволяла удовлетворяться практикой редкого и не всегда лично-мотивированного и безвозмездного содействия со стороны местного населения. Уже в начале марта начальник холмского губернского жандармского управления предписал своему помощнику в Замостском, Томашовском и Белгородском уездах приобрести «вспомогательную секретную агентуру по контршпионажу» в г. Томашов и Белгородском уезде на платной основе [ГАФР: ф. 1694, оп. 1, д. 48, л. 26]. Вскоре соответствующее распоряжение получили унтер-офицеры Томашовского и Белгородского жандармских участков.

Наряду с использованием агентурных возможностей, к мерам профилактики и предупреждения воздушной разведки со стороны Германии и Австро-Венгрии, а также укрепления политической благонадежности местного населения, можно отнести и обысковые рейды. В этой связи помощник начальника холмских жандармов требовал 15 марта 1915 г. от своих подчиненных тщательного осмотра местности и обыск среди населения для обнаружения бумаг и предметов, выброшенных австрийскими летчиками с воздушного шара (его курс — Перемышль-Краков) [ГАФР: ф. 1694, оп. 1, д. 174, л. 153]. Подобные действия главным образом преследовали очевидную цель — изъятие компрометирующих материалов. Кроме того, на наш взгляд, целесообразность

обысков могла объясняться и наличием скрытой причины. Допускаем, что путем демонстрации силы органы территориальной безопасности стремились предотвратить возможные варианты вербовки или склонения на неприятельскую сторону недовольных жителей пограничных районов (такowymi следует считать прежде всего некоторых немецких колонистов, евреев, поляков). Некоторые из них так и не утратили прочной морально-политической и военно-патриотической связи с прародиной (Германия), другие — были лишены своей родины (еврейское население депортировали за «черту оседлости»; польское, спустя годы после включения большей части Великого Герцогства Варшавского в состав Российской империи (Венский конгресс, 1815 г.), потеряло свою национальную идентичность).

У тех из местного населения, кто попадал под категорию нелояльных подданных, был не только мотив, но и повод послужить во вред России. Это происходило не только в форме прочтения прокламаций (с последующей ретрансляцией заложенных в них смыслов и пораженческих настроений среди односельчан и военнослужащих русской армии), сбрасываемых в прифронтовых районах с воздушных шаров или аэропланов, но и путем инициативного сотрудничества с врагом. Еще весной 1914 г. в одном из пограничных уездов Сувалкской губернии приземлился беспилотный воздушный шар. Недалеко от него была обнаружена «часть оболочки воздушного шара» с надписью на немецком языке следующего содержания: «Где падет этот шар и кто первый укажет и сообщит властям, тому в награду 10 марок, 37 полевая бригада» [ГАФР: ф. 265, оп. 1, д. 1485, л. 3]. Как нам представляется, в этом послании ставка делалась на вышеупомянутую категорию сельских обывателей, готовых за вознаграждение рассказать германским военным властям не только о месте падения воздушного аппарата, но и при необходимости военно-значимые сведения о русской обороне. Поэтому предпринимавшиеся локальные и неожиданные обыски были оправданным приемом, демонстрировавшим работоспособность механизма обеспечения основ пограничной безопасности в целом и нейтрализующим возможные предательские побуждения в частности.

Наконец, наряду с примерами немногочисленных «мирных» задержаний воздушных аппаратов с летчиками до и во время войны, были попытки ведения прицельного огня по ним на линии соприкосновения враждующих сторон. И если в одних случаях, как это было 17 марта 1915 г. в Плоцкой губернии (г. Цеханов), выстрелы были меткими (речь идет о двух «подстреленных» аэропланах) [ГАФР: ф. 215, оп. 1, д. 204, л. 58], то в других — стрельба не достигала цели. К примеру, 14 и 15 мая 1915 г. пехота и артиллерия 3-й русской армии произвела около 100 безрезультатных выстрелов по австрийскому аэроплану в районе пограничного г. Томашов (Люблинская губерния) [ГАФР: ф. 1694, оп. 1, д. 48, л. 48].

Со времени Горлицкого прорыва и восстановления немцами контроля над австро-венгерской крепостью Перемышль использование наступающими германо-австрийскими силами воздушных шаров и аэропланов в разведывательных целях утрачивало свое тактическое предназначение. В обстановке, когда фронтовая архитектура постепенно теряла свой позиционный облик — русские войска героически и с ожесточенными боями отходили на восток — воздушные силы противника все чаще использовались для бомбометания и нагнетания панических настроений среди мирного населения и потоков беженцев.

Таким образом, в первой четверти XX века (1912—1915 гг.) европейское воздухоплавание стало одним из надежных инструментов сбора

разведывательных данных об оборонном потенциале русской армии. Ни законодательные учреждения (Государственная дума и Государственный совет), ни Совет министров не предусмотрели эффективных и комплексных мер контрреагирования на новые угрозы военной (пограничной) безопасности Российской империи. А тех единичных решений, которые принимались — разрешение стрельбы по воздушным целям (летательные аппараты) из стрелкового оружия — было явно недостаточно для минимизации и уж тем более ликвидации возникшей проблемы. Поэтому, лишённые эффективных рычагов противодействия (главным образом, ясных и своевременных законодательных норм), территориальные органы правопорядка и безопасности были вынуждены бороться с воздушными правонарушениями (воздушной разведкой) Германии и Австро-Венгрии не в полную силу.

За период времени с июля 1912 г. (принятие закона о шпионаже) по лето 1915 г. (начало массового отступления русских армий из Галиции (Томашовское и Красновостокское сражения) и Привислинского края) пограничникам, жандармам и сельской полиции Варшавского генерал-губернаторства, а также сотрудникам разведки / контрразведки Варшавского военного округа не удалось принудительно посадить на землю ни один иностранный летательный аппарат. В тех же случаях, когда они все же приземлялись, будь то ввиду технических неисправностей или погодных метаморфоз, пилотов, как правило, офицеров, даже не пытались привлечь к уголовной ответственности (в условиях мирного времени). Может быть, причиной тому послужило опасение местных властей оказаться в центре очередного дипломатического эксцесса или же отсутствие убедительных улик? Но тогда возникает закономерный вопрос, а изъятые фотографические аппараты у задержанных аэронавтов разве не были косвенным основанием для их подозрения в причастности к воздушной разведке?

Полагаем, что косвенных доказательств русскому правосудию было недостаточно, а от прямых — фотокарточки военных или гражданских объектов, дневники с характерными записями и пометами — летчики могли во время полета избавиться (выкинуть, сжечь и пр.). Да и можно ли было доказать наличие преступного умысла в действиях воздушных нарушителей, «сбившихся с пути» и оказавшихся в другой стране?

И все-таки главная проблема носила системный характер и коренилась в несовершенстве статьи 113¹ закона о шпионаже от 5 июля 1912 г. В частности, запретив иностранным воздухоплавателям пролет без разрешения «над районами, пролет над коими запрещен подлежащей властью...» [РГИА: ф. 1278, оп. 2, д. 2270, л. 54], законодатель вплоть до лета 1914 г. так и не опубликовал соответствующий подзаконный акт с перечнем запретных районов. Поэтому в связи с отсутствием достаточных правовых оснований начальники жандармских управлений Привислинского края не спешили возбуждать дознание или предварительное следствие по делам о нарушении (западной) воздушной границы Российской империи.

Когда же 18 июня 1914 г. свет увидело долгожданное распоряжение военного министра В.А. Сухомлинова «О воспреещении полетов, без надлежащего разрешения, на летательных аппаратах над районом западной пограничной полосы...» [Громов: 55—57], с детальным перечнем территорий Привислинского края, входящих в понятие «район западного пограничного пространства», время и возможности оперативного реагирования уже были упущены. С началом военных действий России против Германии стандарты обеспечения безопасности мирного времени утратили свою актуальность.

Список источников

ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации).
РГИА (Российский государственный исторический архив).

Список литературы / References

Громов Н.А. Цензура и шпионство. По законам военного времени. Пг., 1914. 340 с.
(Gromov N.A. Censorship and espionage. According to the laws of war, Petrograd, 1914. 340 p. — In Russ).

Закон 5 июля 1912 года о государственной измене путем шпионства в мирное время. С постанейными соображениями, вступительной статьей и с приложением иностранных законов / изд. Помощник военного прокурора А.С. Резанов. Варшава, 1912. 299 с.

(Law of July 5, 1912 on high treason by espionage in peacetime. With article-by-article considerations, an introductory article, and with an appendix of foreign laws, ed. by Assistant military prosecutor A.S. Rezanov, Warsaw, 1912, 299 p. — In Russ).

Статья поступила в редакцию 29.10.2022; одобрена после рецензирования 18.11.2022; принята к публикации 20.12.2022.

The article was submitted 29.10.2022; approved after reviewing 18.11.2022; accepted for publication 20.12.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Зверев Вадим Олегович — доктор исторических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики в деятельности органов внутренних дел, Омская академия МВД России, г. Омск, Россия, zverevoma@mail.ru

Zverev Vadim Olegovich — Doctor of Science (History), Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy in the Activities of Internal Affairs Bodies, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation, zverevoma@mail.ru

Цепилов Андрей Евгеньевич — кандидат юридических наук, майор полиции, преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел, Омская академия МВД России, г. Омск, Россия, patron_andrey@bk.ru

Tsepilov Andrey Evgenevich — Candidate of Law, Lecturer at the Department of Operational and Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation, patron_andrey@bk.ru